Gillis J.R. (ed.) Commemorations: The Politics of National Identity. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.

Habermas, J. A Kind of Settlement of Damages: On Apologetic Tendencies In German History Writing //E. Piper (ed.) Forever In the Shadow of Hitler? Atlantic Highlands: Humanities Press, 1993, P. 34-44.

Halbwachs M. The Collective Memory. New York, Harper & Row Colophon Books, 1980.

Jessop B. Regulationist and Autopoieticist Reflections on Polanyi's Account of Market Economies and the Market Society // New Political Economy. 2001. № 6. P. 213-32.

Kopecek M. (ed.) Past in the Making: Recent History Revisions and Historical Revisionism in Central Europe after 1989. Budapest: Central European University Press, 2007.

Levy D. and *N. Sznaider*. Holocaust and Memory in the Golden Age. Philadelphia: Temple University Press, 2006.

Marcuse M. Collective Memory: Definitions. 2007 // http://www.history.ucsb.edu/faculty/marcuse/classes/201/CollectiveMemoryDefinitions.html.

Margalit A. The Ethics of Memory. Cambridge: Harvard University Press, 2002.

Misztal B.A. Theories of Social Remembering. Maidenhead, Open University Press, 2003.

Mueller-Funk W. On a Narratology of Cultural and Collective Memory // Journal of Narrative Theory, Vol. 33. № 2 (Summer, 2003). P. 207-227.

Osiel M. Mass Atrocity, Collective Memory and the Law. New Brunswick, NJ: Transaction, 1997.

Peck J. and *N. Theodore*. Variegated Capitalism // Progress in Human Geography, 2007. Vol. 31. № 6. P. 731–772.

Pollock G. Holocaust Tourism: Being There;. Looking Back and the Ethics of Spatial Memory // Crouch, D. and Liibbren, N. (eds), Visual Culture and Tourism. Oxford, New York: Berg, 2003.

Trubina E. The Reconstructed City as Rhetorical Space //T. Fenster and H. Yacobi (eds.) Remembering, Forgetting And City Builders. L., Ashgate, 2010. P. 107-120.

Trubina E. Past Wars in the Russian Blogosphere:On the Emergence of Cosmopolitan Memory // Digital Icons. 2011. № 4 // http://www.digitalicons.org/issue04/files/2010/11/Trubina-4.4.pdf.

Tzanelli R. Cosmopolitan Memory in Europe's 'Backwaters'. Rethinking civility. London: Routledge, 2011.

Rév I. Retroactive Justice: Prehistory of Post-communism. Stanford, CA: Stanford University Press, 2005.

Rigney A. Plenitude, Scarcity and the Circulation of Cultural Memory // Journal of European Studies, 2005. Vol. 35. № 1. P. 209-226.

Sturken M. Tourists of History: Memory, Kitsch, and Consumerism from Oklahoma City to Ground Zero. Durham: Duke University Press, 2007.

Young J. At Memory's Edge: After Images of the Holocaust in Contemporary Art and Architecture. New Haven, CT and London: Yale University Press, 2000.

Россия. Конец XX века. Представления наших современников

Елена Петренко, Екатерина Кожевина, Вадим Каплун

Статья посвящена описанию результатов исследования, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2010 году. Исследование было направлено на выявление отношения россиян к масштабным историческим событиям, произошедшим в 1985 – 1999 годы. Оно демонстрирует, какими образом историческая память респондентов конструируется в зависимости от различных социально-демографических характеристик. Среди них – возраст, тип населенного пункта, материальное положение, образование, род деятельности и принадлежность к электорату той или иной партии. В ходе исследования был комплексно использован ряд методов. Массовый количественный и телефонный опрос предварялся пилотажным исследованием, включающим нарративные интервью и анализ личных дневниковых записей. В ходе исследования авторами было выявлено, что распад СССР до сих пор воспринимается населением как негативное, нежелательное событие. Наблюдается общая разочарованность образованных слоев в попытках реформирования страны в конце 90-х гг. Однако сама идея реформ воспринималась с воодушевлением как необходимая мера для конструирования нового типа общества. Стремление к демократизации, становление рыночной системы экономики на идейном уровне вызывало поддержку. В целом можно отметить, что основной фактор, который опреде-

ляет историческую память согласно исследованию – это принадлежность респондентов к различным поколениям.

Сегодня в российском обществе заметно усиливается интерес к давнему и недавнему прошлому. Историческую память можно рассматривать как индивидуальную и коллективную. Первая есть отражение личного опыта человека и его представлений об окружающем мире. В этом случае память о прошлом связана с событиями, участником которых был сам индивид. Вторая форма памяти отражает коллективный опыт, а именно, опыт отдельных социальных групп и общества в целом. В отличие от первой, эта разновидность памяти формируется под воздействием социальных институтов, таких как образование, политика, СМИ. В этом случае у каждого индивида складываются представления об исторических событиях, в которых он лично мог принимать, а мог и не принимать участия.

Коллективная память, с одной стороны, складывается из отдельных индивидуальных жизненных историй, с другой - есть совокупность представлений, носящих надындивидуальный характер. Коллективная память является сознанием социальных общностей:

> В самом деле, существуют основания различать две памяти, одну из которых можно, если угодно, назвать внутренней, а другую – внешней, или же первую – личной, а вторую – социальной. Говоря еще точнее (с только что указанной точки зрения): *автобиографическая память* и *историческая память* [Хальбвакс, 2005].

Развивая эту мысль М. Хальбвакса, Ж. Тощенко обозначил историческую память как «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим» [см: Тощенко, 2000]. В качестве ключевого признака он выделяет связь информации о прошлом с потребностями современности. Иначе говоря, в сознании людей хранится только та информация, которая вписывается в контекст настоящего и объясняет его. Историческая память обладает свойством избирательности. Она актуализирована, при этом делаются акценты на отдельных исторических событиях, другие игнорируются. Ж. Тощенко отмечает, что

> актуализация и избирательность в первую очередь связаны со значимостью исторического знания и исторического опыта для современности, для происходящих в настоящее время событий и процессов и возможного их влияния на будущее [см.: Тощенко, 2000].

За последние 20 лет вектор развития российского общества не единожды менял свое направление. Это позволяет тем или иным интерпретаторам использовать нить времени в политических целях, «разрезать» ее, «выбрасывать» одни отрезки и в тоже время возводить другие в ранг судьбоносных. Поэтому важно понимать, какие же исторические картины хранит коллективная память россиян. Именно этому было посвящено исследование, которое провел фонд «Общественное мнение» летом 2010 года на тему «История РФ: конец XX века в коллективной памяти россиян».

Объектом нашего исследования являлись воспоминания респондентов о российских событиях 1985 – 1999 годов. На подготовительной стадии были проведены разведывательные свободные интервью с двумя активными участниками событий конца 80-х – начала 90-х годов, проанализированы дневниковые записи того времени и два мемуарных нарратива. Эти материалы позволили разметить событийное поле исторических процессов и сформировать инструментарий исследования. Далее последовал общероссийский репрезентативный опрос, а вслед за ним телефонный опрос, нацеленный на изучение актуальной памяти россиян.

Блок вопросов, посвященный исторической памяти россиян, был включен в один из еженедельных общероссийских опросов ФОМ [1]. Респондентам была предложена карточка, на которой перечислялись 30 политических, экономических и культурных событий, произошедших в России за последние полтора десятилетия XX века [2]. Участники опроса, отвечая на первый из вопросов, могли назвать любое число выбранных из списка событий, о которых они слышали, помнят или знают. Далее им предлагалось, во-первых, указать те события, которые они считают важными, оказавшими существенное влияние на жизнь страны и людей, а во-вторых – те из перечисленных событий, которые оцениваются ими как безусловно отрицательные, вредные для страны по своим последствиям.

Очевидно, память о тех или иных событиях прошлого непосредственно связана с временной дистанцией, отделяющей от них респондентов, и с тем, были ли они непосредственными участниками или свидетелями рассматриваемых событий либо же знают о них только по рассказам, из книг, материалов СМИ, фильмов. Поэтому

[1] Общероссийский репрезентативный опрос был проведен в 44 субъектах РФ, 100 населенных пунктах и проходил с 3 по 4 июля 2010 года. Общая выборка составила 2000 респондентов. В опросе участвовали респонденты в возрасте 18 лет и старше.

[2] Список 30 событий был составлен профессиональными историками, специалистами по новейшей российской истории.

важно было проанализировать восприятие и оценку интересующих нас событий представителями разных возрастных когорт.

Для возрастной идентификации респондентов использовалось принятое в ФОМе деление участников опроса на поколения. Каждое поколение мы условно именуем по руководителям страны, на время пребывания которых у власти пришлась социализация данной возрастной когорты. Соответственно, мы будем далее называть представителями *сталинского* поколения тех, кто старше 74 лет, *хрущевского* поколения – тех, кому сейчас 67-74 года, *гагаринского* – людей в возрасте 59-66 лет, *брежневского* – 51-58 лет, *сусловского* – 43-50 лет, *горбачевского* – 36-42 года, *ельцинского* – 28-35 лет, *путинского* – 21-27 лет, *медведевского* – 18-20 лет.

По результатам исследования оказалось, что среди россиян существуют три различающиеся между собой оценочные версии событий последнего пятнадцатилетия XX века. И каждая из этих версий имеет преобладающее распространение в одной из трех возрастных групп – старшей, средней и младшей.

Старшая группа объединяет *сталинское* и *хрущевское* поколения. Это те, кому сейчас 67 лет и старше, т. е. люди 1943 и более ранних годов рождения. К началу «горбачевско-ельцинского» периода им было 42 года и больше. Поэтому в период перемен они уже либо подошли к этапу завершения своей трудовой биографии, либо завершили ее.

Средняя группа: *гагаринское, брежневское, сусловское, горбачевское* поколения. Это те, кому сейчас от 36 до 66 лет, т. е. люди 1944-1974 годов рождения. В 1985 году им было от 11 лет до 41 года. События последнего пятнадцатилетия XX века разворачивались на их глазах, именно из них рекрутировались основные акторы этих событий, именно они в первую очередь ощутили на себе все плюсы и минусы перестроечного пятнадцатилетия.

Младшая группа: *ельцинское, путинское, медведевское* поколения. Это те, кто сегодня моложе 36 лет, т. е. люди 1974 года рождения и позднее. К началу «горбачевско-ельцинского» периода им было не больше 10 лет, а к концу периода (к 1999 году) – не больше 24 лет. Для них XX век – это прошлое, это не их время. Их память о том периоде – уже «книжная», почти былинная.

Далее будем рассматривать результаты исследования не только по всем опрошенным в целом, но и для этих трех возрастных групп, выделяя внутри них поколенческие когорты лишь в тех случаях, когда оценки поколенческих когорт существенно различаются.

Какие события сохранились в памяти россиян

В целом среди событий 1985-1999 годов, которые лучше всего сохранились в коллективной памяти россиян, можно выделить *аварию на Чернобыльской АЭС*: о ней помнят 84% россиян. От 75 до 70%% респондентов помнят о *второй чеченской войне, дефолте 1998 года, выводе советских войск из Афганистана* и о *первой чеченской кампании*. Почти столь же хорошо помнят (68-67%%) о *первых выборах президента России*, об *объявлении начала перестройки*, об *антиалкогольной кампании* и о *начале приватизации*.

Судя по всему, техногенные трагедии и катастрофы, а также войны и межнациональные конфликты, произошедшие за рассматриваемый период, в большей степени отложились в памяти россиян, нежели масштабные политические трансформации, в том числе и те, которые кардинальным образом повлияли на судьбу страны.

Последнее место в рейтинге запомнившихся событий занял *Всесоюзный референдум о сохранении СССР*. Его отметили лишь 35% респондентов...Он занимает в предложенной респондентами иерархии событий последнее место, скорее всего, потому, что его результаты в конечном итоге не оказали влияния на исторический исход судьбы государства.

Следует отметить, что реже других смогли назвать те или иные события интересующего нас пятнадцатилетия представители младшей из трех выделенных нами возрастных групп.

Как и ожидалось, больше всего «помнящих» принадлежит к средней группе, к тем, «кто застал и видел» и при этом до сих пор сохраняет в памяти исторические перипетии нашего относительно недавнего прошлого.

Чаще других помнят события, о которых идет у нас речь, люди, привычные к восприятию и обработке большого количества информации: это респонденты с высшим и средним специальным образованием, жители столицы и крупных городов.

События, оказавшие существенное влияние на жизнь страны

Самыми важными событиями периода 1985-1999 годов, оказавшими существенное влияние на нашу жизнь, участники опроса считают *вывод советских войск из Афганистана* (37%) и *переход к политике перестройки и гласности* (35%) (См. таблицу 1).

Предыдущий вопрос – о том, какие из событий помнят респонденты, – был направлен на выяснение объема их исторической памяти о периоде 1985-1999 годов. Второй вопрос, содержавший

просьбу указать *наиболее важные* события этого периода, включал в себя оценочную составляющую. В целом можно сказать, что при ответах на него срабатывал «эффект крайних дат». Проявился он в том, что первые строчки в рейтинге важнейших событий заняли либо те, с которых этот период начался (вывод войск из Афганистана, Чернобыльская катастрофа, начало перестройки), либо те, которыми он фактически закончился (дефолт 1998 года и начало второй чеченской войны). Обратим еще внимание на то, что респонденты довольно редко называли события важными, несмотря на то, что довольно часто хранили воспоминания об этих событиях.

Рассмотрим десять событий, чаще других упоминавшихся в качестве важных для страны и ее граждан, отмечая каждый раз долю респондентов, выбравших данную позицию.

1. Вывод советских войск из Афганистана, 1989 (37%). Вполне естественным выглядит тот факт, что представители средней возрастной группы чаще придерживаются такой точки зрения, чем остальные (44%). Это объясняется достаточно очевидными вещами: в годы афганской войны представители данной возрастной страты были в призывном возрасте, могли сами попасть, а может быть, и попали в зону боевых действий, вполне вероятно, что у них есть раненные или погибшие в Афганистане друзья. Для них завершение афганской войны несомненно стало событием особенно актуальным.

2. Объявление о переходе к политике перестройки и гласности, 1987 (35%). Для представителей старшей (36%) и средней (40%) возрастных групп это событие ознаменовало конец прежней жизни и начало перемен, которые продолжались на протяжении всего рассматриваемого периода и изменили лицо страны до неузнаваемости.

Младшая возрастная группа не склонна предавать столь большое значение началу перестройки (29%).

Неудивительно, что старшая часть средней группы (*гагаринское* и *брежневское* поколения) оценивает важность начала перестройки выше, чем младшая ее часть (*сусловское и горбачевское* поколения): здесь доля считающих перестройку важным событием составляет 42-46%. *«Гагаринцам»* и *«брежневцам»* на момент начала перестройки было 20-35 лет, и на них, в силу возраста, сильнее всего подействовал «пьянящий воздух свободы», который принесла с собой гласность.

Отметим также, что среди оценивших это событие как важное значительно больше людей с высоким на сегодняшний день достатком, чем с достатком низким (соответственно 41-47% и 30%). Кроме того, значимость начала перестройки высоко оценивают специалисты (44%). Можно предположить, что среди них много таких людей, на жизненные стратегии которых перестройка оказала существенное влияние.

3. Дефолт, 1998 (30%). Несколько чаще отзываются о дефолте как о важном событии именно в средней возрастной группе (33%). Вероятно, это объясняется тем, что многие ее представители успели к тому моменту занять достаточно прочные жизненные позиции, и соответственно дефолт ударил по ним особенно сильно. И, разумеется, он сильно ударил по столице, где циркулировали основные денежные потоки. Поэтому процент москвичей, признавших данное событие важным, существенно превышает средние показатели (41%).

4. Начало второй чеченской войны, 1999 (29%). Для младшей и средней возрастных групп (дети и отцы) эта война оказалась уже не фактом истории, а непосредственно воспринятой реальностью (30%). Старшая группа оценивают это событие несколько иначе: для них более важным событием стало начало первой чеченской войны, а не второй, поскольку они, в отличие от более молодых, были его непосредственными свидетелями и участниками.

5. Первые выборы президента России, 1991 (29%). Здесь наблюдается единодушие в позициях младшей и средней возрастных групп (30% и 29%, соответственно). Особо отметим, что это событие было по важности поставлено на первое место представителями *медведевского* поколения (32%). Скорее всего, представители всех перечисленных возрастных когорт именно в выборах президента усматривают «точку отсчета» новой государственности в России. Особняком стоит старшая возрастная группа, у представителей которой рассматриваемое событие получило довольно низкий «рейтинг» (24%). Для этих людей, судя по полученным данным, новая Россия началась с таких событий, как принятие Декларации о государственном суверенитете, подписание «беловежских соглашений», принятие новой Конституции, ваучерная приватизация.

Если говорить не о возрастных группах, то чаще, чем в среднем, сочли важным событием первые выборы президента России люди с относительно высоким уровнем дохода (34-40%), а также руководители (37%).

6. Чернобыльская авария, 1985 (28%). Стоит сказать об особо обостренной реакции на чернобыльскую аварию у людей *хрущевского* поколения (35%), которым исполнилось тогда 42-47 лет. Среди них было немало «ликвидаторов» аварии или родителей «ликвидаторов». Но более молодые восприняли это событие, по всей видимости, не столь драматично.

7. Начало первой чеченской войны, 1994 (27%). Все, что касалось начала второй чеченской войны, можно сказать и о начале первой. Разница в том, что более важным это событие считают люди зрелого возраста – представители средней и старшей возрастных групп (по 30 %).

Таблица 1

Какие из перечисленных событий Вы считаете важными, оказавшими существенное влияние на жизнь страны и людей? (Карточка, любое число ответов).	Все опрошенные	Возраст		
		«Молодежная группа» (18-34 года)	«Средняя группа» (35-64 года)	«Старшая группа» (65 лет и старше)
Доли групп	*100*	*35*	*49*	*15*
советские войска выведены из Афганистана - 15 февраля 1989 г.	37	28	**44**	36
руководство СССР объявило о переходе к политике «перестройки» и «гласности» - первая половина 1987 г.	35	29	40	36
финансовый кризис (дефолт) 1998 г. - август 1998 г.	30	26	33	30
началась вторая чеченская война - сентябрь 1999 г.	29	30	30	28
впервые прошли выборы президента России - 12 июня 1991 г.	29	30	29	24
произошла авария на Чернобыльской АЭС 26 - апреля 1986 г.	28	25	30	30
для борьбы с режимом Д. Дудаева были введены войска в Чечню, началась первая чеченская война - 11 декабря 1994 г.	27	23	30	30
началась массовая приватизация, появились ваучеры – июль 1992 г.	27	23	30	25
принята новая Конституция России - 12 декабря 1993 г.	23	24	23	22
начало вывода советских войск из Германии - 1990 г.	20	14	24	17

8. Массовая приватизация, ваучеры, 1992 (27%). Чаще остальных выделяют важность приватизации люди с высоким уровнем дохода (34%), а особенно те, кто в настоящее время может позволить себе купить дом или квартиру (47%). К этому стоит также добавить, что важность приватизационных процессов относительно часто отмечали представители *брежневского* поколения (33%), которым на

тот период времени было 33-40 лет. Это самый активный, дееспособный возраст, и можно предположить, что именно для них, для их жизненных практик смена форм собственности имела особенно большое значение.

9. Новая Конституция России, 1993 (23%). Прежде заметим, что события 3-4 октября 1993 года находятся по вспоминаемости на пятнадцатом месте. Судя по всему, в массовом сознании принятие Конституции 1993 года никак не связано с противостоянием президента Б. Ельцина и Верховного Совета и расценивается как событие самоценное.

Респонденты с высшим образованием чаще других считают его важным (30%). Это вполне объяснимо, поскольку, прежде всего, именно в этой среде существует представление о необходимости формирования и развития в нашей стране правового государства.

10. Начало вывода советских войск из Германии, 1990 (20%). Это событие, как и вывод войск из Афганистана, ознаменовало собой смену советского внешнеполитического курса. Представители старшей и средней возрастных групп, т. е. непосредственные свидетели события, осознают важность произошедшего. А вот младшая группа, для которой это уже история, на выводе наших войск из Германии внимания не акцентирует (14%). Отметим, что другие события, которые рассматриваются опрошенными как важные, набрали меньше 20% каждое.

Отрицательно оцениваемые события

Респондентам был задан вопрос о том, какие из событий последнего пятнадцатилетия минувшего века были, на их взгляд, безусловно *отрицательными* и нанесли *вред* стране и людям. Сама формулировка вопроса предполагала прямую оценочность в суждениях участников опроса.

Примечательно, что военная тема лидирует и в рейтинге событий, которые участники опроса расценили как отрицательные, вредные для страны: это *начало второй чеченской войны*.

Рассмотрим первую десятку безусловно отрицательных, по мнению респондентов, событий.

1. Начало второй чеченской войны, 1999 (59%). Пик негативной оценки этого события приходится на среднюю возрастную группу (62%), причем особенно на *горбачевское* поколение (71%), на тех, кому в момент начала второй чеченской было 25-32 года (призывной возраст). Особо выделяют это событие как негативное люди со средним специальным образованием (64%), средним достатком (65%), живущие в средних городах с населением до 1 млн человек (64%). То есть те, кто потенциально мог быть, а возможно, и был, непосредственным участником боевых действий.

2. Чернобыльская авария, 1985 (53%). В равной степени негативным это событие считают представители всех трех возрастных групп. Даже младшая возрастная группа здесь не отстает (50%). Возможно, это заслуга СМИ и культурных ретрансляторов. Например, не исключено, что многие из представителей младшей группы осведомлены о Чернобыльской аварии благодаря компьютерной игре «STALKER».

3. Дефолт, 1998 (48%). Больше других пострадали от него, как уже было сказано ранее, представители наиболее активного, трудоспособного возраста, принадлежащие к средней возрастной группе. Они же наиболее отрицательно и оценили данное событие (52%). С уменьшением и увеличением возраста респондентов доля людей, считающих это событие безусловно негативным, снижается.

4. Начало первой чеченской войны, 1994 (44%). У респондентов младшей группы (*медведевское* и *путинское* поколения) начало войны в Чечне вызывает меньше отрицательных эмоций (40%). Если брать население в целом, то различия в негативном отношении к первой и второй чеченским войнам (44% и 59% соответственно) обусловлены временем, прошедшим с начала каждой из них. Проще говоря, «время – хороший лекарь».

5. Массовая приватизация, ваучеры, *1992* (31%). Здесь обратим внимание на контраст в оценках средней и младшей групп: от 46% у *гагаринского поколения* с обманутыми надеждами на ваучеры, до 11% у *медведевского поколения*, которое других экономических реалий и не ведало.

6. Отпуск цен на розничные товары, 1992 (20%). Особенно негативно оценивают эти два события представители средней возрастной группы – те, кому в то время было 25-48 лет. Люди трудоспособного возраста в результате «шоковой терапии» лишились сбережений, доходов, а часто и работы. Наполнившиеся прилавки магазинов не очень утешали при отсутствии денег. Схематизируя, можно сказать, что это была для многих ситуация, в чем-то аналогичная дефолту 1998 года. Особенно болезненно либерализация цен воспринимаются по сей день в малых городах (40%). В то же время, жители поселков городского типа и сел реагируют на эти события более равнодушно (24% и 12% соответственно). Возможно, дело в том, что жителям ПГТ по сравнению с жителями городов было легче существовать в период отпуска цен на розничные товары: в поселке огород становился одним из главных подспорий и средств для выживания.

7. Нагорно-Карабахский конфликт между Арменией и Азербайджаном, 1988 (18%). По сути это одно из событий, запустивших процесс дезинтеграции Советского Союза.

8. Обмен 50-ти и 100-рублевых купюр («павловская реформа»), 1991 (18%). Естественно, что наиболее неодобрительно оценили этот эпизод представители *гагаринского и брежневского* поколений (25% и 27% соответственно), которым основательно «досталось» в морозном январе 1991 года. Респонденты из младшей возрастной группы денег советского образца уже не застали. Соответственно они не часто называют «павловскую реформу» в числе негативных событий (10%).

9. Объявление о начале политики перестройки и гласности, 1987 (17%). Как легко догадаться, с неодобрением оценивают это событие главным образом те, кто критически воспринимает весь процесс перемен, начавшихся в нашей стране после 1985 года, кто склонен осуждающе говорить: «С Горбачева все и началось!". С точки зрения партийных предпочтений большинство этих людей входят в электорат КПРФ.

10. Путч в августе 1991 года (16%). Попытку государственного переворота... двадцатилетней давности несколько чаще отрицательно оценивают представители старшей и средней возрастных групп. Младшая группа в меньшей степени склонна к таким оценкам. Вероятно, августовские события 1991 года отодвинуты для них в достаточно далекое прошлое, а кроме того, сама попытка переворота не удалась и потому не имела прямых, непосредственных последствий (о косвенных, более отдаленных последствиях мы сейчас не говорим).

Особенности актуальной исторической памяти россиян

Полученную картину и композицию исторической памяти россиян конкретизируют результаты телефонного опроса [1]. Следует подчеркнуть, что при проведении телефонных интервью вопросы были открытыми: участники опроса сами формулировали свои ответы. Тем самым, респонденты обращались к своей актуальной памяти о временах последнего пятнадцатилетия XX века.

Вопросы вновь касались того, какие события этого периода остались в памяти респондентов. Отметим, что в своих ответах респонденты, как правило, называли не столько конкретные события, сколько исторические процессы, происходившие после 1985 года.

Среди событий и процессов этого периода, серьезно изменивших жизнь общества, участники телефонного опроса чаще всего называли *«распад СССР»* (32%), *«переход к капитализму»* (19%) и *«путч в августе 1991 года»* (19%). При этом *«распад СССР»* и *«путч в августе*

[1] Опрос проходил в 5 городах России (Москва, Калининград, Казань, Новосибирск, Владивосток) с 22 июля по 2 августа 2010 года. Общее количество опрашиваемых составило 350 (по 70 респондентов в каждом городе).

1991 года» чаще других событий оцениваются как негативные (так их определили 19% и 18% респондентов соответственно). Однако лидирует среди негативных событий все же *«дефолт»* 1998 года (22%).

Среди того положительного, что принесла с собой перестройка, опрошенные говорили о процессах *«демократизации, гласности»* (18%), *«становления частного бизнеса, предпринимательства»* (13%), о *«возможности выезжать за границу»* (12%), т. е. те процессы и явления, которые в комплексе способствуют формированию гражданского общества в России.

Примечателен тот факт, что среди событий, о которых хотелось бы забыть (об этом задавался отдельный вопрос), респонденты называли, чаще всего, *«чеченскую войну»* (26%), *«путч 1991 года»* (11%) и *«распад СССР»* (10%).

Первое место в этом перечне заняла, как видим, *«чеченская война»* (здесь респонденты не разделяли первую и вторую), при том, что среди событий, которые произвели на респондентов *«тяжелое, негативное впечатление»* (такова была формулировка вопроса), «Чечня» занимает только пятое место. Это пятое место в рейтинге негативных событий, возможно, отчасти говорит о личной отстраненности участников опроса от кровопролития, которое на протяжении длительного времени продолжалось в Чечне и стало восприниматься как некий привычный фон их жизни.

Ключевые фигуры в актуальной исторической памяти россиян

Другой задачей телефонного опроса было выявление тех исторических фигур перестроечных и постперестроечных лет, которые больше всего запомнились россиянам. Среди деятелей периода 1985-1999 годы в актуальной памяти сохранились прежде всего образы Б.Ельцина (55%), М. Горбачева (54%), Е. Гайдара (22%), А. Сахарова (16%), А. Чубайса (14%).

Рейтинг общественно значимых фигур, которые принесли пользу России, возглавляет М. Горбачев: его в этом качестве упомянули 13% опрошенных. Второе и третье места делят Б. Ельцин и А. Сахаров (по 11%). Четвертое место у А. Солженицына (6%).

Как видим, в этом списке доминируют известные политические персонажи (оцениваемые, надо полагать, как с одобрением, так и с неодобрением). Но заслуживает внимания тот факт, что наряду с ними, пусть не слишком часто, а позитивном контексте упоминаются имена людей, значимость которых определяется, прежде всего, их духовной, моральной позицией.

Конец эпохи: взгляд интеллигенции

На стадии пилотажа были проведены качественные исследования, включающие в себя анализ результатов разведывательных свободных интервью с двумя активными участниками событий времен перестройки, дневниковых записей 1989 – 1993 годы и двух мемуарных нарративов (воспоминаний) о последнем пятнадцатилетии XX века.

Предметом разведывательных интервью являлись воспоминания двух активных участников событий 1985-1995 годов, а также их субъективные оценки отношения к этим событиям в те годы и сегодня. Проведенные интервью позволили определить важнейшие, с точки зрения респондентов, процессы, происходившие в стране в тот период, события, которые стали индикаторами этих процессов, а также наблюдать изменение оценок этих событий и процессов.

Важнейшим процессом в истории страны начиная с 1985 года, по мнению одного из интервьюируемых (политолог либеральной ориентации, ныне руководитель некоммерческой организации, далее будем называть его Эксперт 1), стала предпринятая тогда попытка модернизации институтов власти. Событие-маркер для этого процесса – объявленный руководством СССР переход к политике «перестройки» и «гласности».

> Руководство СССР объявило политику перестройки и гласности – в историческом плане событие положительное, если за позитив взять неизбежность смены коммунистического режима.

Эксперт 1 предлагает специфическую классификацию событий, которые произошли в период с 1985 по 1999 годы. Он говорит о формально-правовых событиях и событиях, не лежащих в формально-правовой плоскости, но ощутимо повлиявших на исторические процессы в стране. К первой группе событий он относит, в частности, распад СССР, формирование СНГ, ко второй – такие, как экономические реформы, включая развитие системы кооперативов.

> Массовая приватизация и так далее как начало этих экономических реформ. В целом я воспринимаю эти события как принципиально новые, новый виток развития.

Помимо экономических изменений Эксперт 1 отмечает, как важные, изменения внутриполитического характера, а именно – появившуюся в это время открытость политического процесса.

> Первые выборы народных депутатов – безусловно важное событие <…>, не в смысле мотивов тогдашних деятелей и публики даже, а в историческом смысле.

Аналогичный смысловой акцент мы находим в другом интервью с активным участником демократического движения конца 80-х – начала 90–х годов (далее – Эксперт 2).

> Еще конечно историческое событие для меня - это май 89-го года, первый съезд народных депутатов СССР, когда по телевизору это все звучало, когда страна перестала работать и все сидели и слушали, и обсуждали, когда политика началась уже не в журналах, не в газетах, а в прямом эфире.

Но вернемся к суждениям Эксперт 1. Наряду с внутриполитическими он характеризует как особо значимые и некоторые внешнеполитические события. К их числу относятся визит М. Горбачева в США и вывод советских войск из Афганистана.

> Вывод советских войск из Афганистана – важное событие, которое практически означало начало конца политических притязаний СССР.

В целом Эксперт 1 оценивает политику перестройки, попытку коренным образом трансформировать существующую социальную систему как неудавшуюся.

> Не видно демократического исхода. Не видно модернизационного исхода, в смысле модернизации системы. Вот так я драматизирую эту ситуацию в историческом контексте.

Он говорит о том, что Конституция 1993 года закрепила недемократический вектор развития общества, предоставляя возможность Президенту как главе государства определять направления развития внутренней и внешней политики, а значит, вверяя ему неограниченный объем власти. Поэтому с точки зрения становления демократии в стране Конституция 1993 года – это, по мнению Эксперта 1, «*к сожалению – историческое событие обратного порядка*».

Оценки исторического прошлого Эксперт 2 созвучны идеям М. Хальбвакса о вариативности истории [Хальбвакс, 2005]:

> Есть разные истории – история людей, история событий, история идей. На самом деле это разные фокусировки зрения, разные способы вычленять какие-то линии из единой ткани.

Далее он выделяет важнейший для него критерий, по которому событие определяется как «историческое»: это необратимость его последствий. Если результат того или иного политического либо экономического решения, действия нельзя свести на нет, если они кардинально меняют общественную систему, то такие события, по

мнению Эксперта 2, можно назвать историческими – это августовский путч 1991 года и события 3-4 октября 1993 года.

> Причем это настолько историческое, что холодеет все, и ощущаешь, что <это> – как когда с тобой что-то происходит, что твою жизнь меняет необратимо.

В целом оба участника интервью характеризуют перестройку как попытку модернизации нашего государства в конце XX века по следующей схеме:

1. Неизбежность кардинальных изменений советской общественной системы вследствие ее неэффективности.
2. Политические и экономические реформы как необходимые меры, направленные на демократизацию и либерализацию общества.
3. Путч 1991 года как бесперспективная попытка вернуть прежний политический режим.
4. Распад СССР как формально-правовое событие.
5. Крушение надежд на формирование в России здорового демократического общества.

Обратимся теперь к дневниковым записям «Зарисовки времен перестройки», относящихся к 1989 – 1993 годам. Автор записей – независимый исследователь, его нынешний возраст – 50 лет. Дневник дал нам возможность как бы непосредственно наблюдать оценки, отношение автора к событиям и в момент их свершения, и несколько лет спустя. Это важно, поскольку известно, что чем дальше на временном континууме находится событие от точки его описания, тем сильнее процесс его конъюнктурного переосмысления [Тощенко, 2000].

Для нас этот дневник представляют интерес как документальный источник, в сопоставлении с которым дальше будут рассмотрены мемуарные тексты, отразившие тот же период времени, но уже с определенной исторической дистанции.

Обращаясь к дневниковым записям, мы можем констатировать, что автор поддержал перемены, связанные с перестройкой. В целом он оценил происходившие в то время события как неизбежно ведущие к кардинальным изменениям, но вместе с тем бессистемные:

> 29.08.91. Чего у нас всегда хватает и с чем у нас никогда не будет перебоев – это с бардаком. Это, пожалуй, самая главная мораль минувшего года.

Как и опрошенные эксперты, автор дневника резко критически отзывается об августовском путче 1991 года:

> 19 августа в Москве совершен военный переворот. Красная сволочь опять пытается навязать нам свой "социализм с человеческим лицом". Глядя на танки, ясно, каким он будет.

Однако к осени 1993 года (дневниковые записи обрываются на дате 15.10.1993) у автора складывается уже негативное восприятие происходящих в обществе процессов, заметно разочарование от несбывшихся надежд:

> Адаптируешься, живешь в новой реальности. И лишь изредка, словно пелена с глаз спадает, видишь все как оно есть – жуткое, обосранное, со страшной харей.

Как можно видеть по приведенным цитатам, дневниковые записи автора полны не столько объективных, отстраненных оценок событий, сколько эмоциональных всплесков и выражения личного отношения к происходящему. Однако эти эмоции имеют схожую с приведенными выше свободными интервью суждениями динамику: ожидание неизбежных перемен, надежды, эмоциональный подъем, эмоциональный спад, разочарование.

Мемуарные нарративы в целом вписываются в ту же схему анализа событий. Мемуары представляют собой описание общественно-политической жизни советского общества начала 80-х годов, но главным образом – последовавшего за ними пятнадцатилетия М. Горбачева и Б. Ельцина и рефлексию авторов по поводу судьбоносных исторических событий этого периода. Особенно много внимания в мемуарных нарративах уделено первой чеченской войне, криминализации жизни в 90-е годы, дефолте 1998 года, началу второй чеченской войны.

Первый нарратив носит название «Теперь об этом можно рассказать» (автору 61 год, независимый исследователь). Название второго нарратива – «1985 – 1999. Записки москвича» (автору 70 лет, редактор). В отличие от дневниковых записей, мемуарные нарративы подвержены законам памяти – из временного континуума выхватываются определенные события, которые вписываются для авторов в их сегодняшнюю картину мира. При этом личная память (автобиографическая) смешивается с памятью коллективной.

Автор первого нарратива отмечает значимость политических фигур Б. Ельцина и М. Горбачева. Заметим, что их роль акцентировалась и в телефонном опросе, посвященном событиям интересующего нас периода. Автор мемуаров отмечает:

> Я отношусь к ним, и к Горбачёву, и к Ельцину, с громадным уважением именно потому, что они были избраны для такого поворота: первый из них - для демонтажа нашей страны, второй – для отстранения идеологической организации от управления страной, впервые за последнюю тысячу лет.

Среди негативных событий рассматриваемого периода автор выделяет чеченскую войну. А решение о ее прекращении и заключении мира он интерпретирует как исключительно верное:

> Удивительным, особым событием для меня было хасавюртское перемирие 1996 года, вернее, его предпосылки и причины. Это была отчаянная, удавшаяся в последний момент попытка вывести из боя совершенно деморализованную и разложившуюся российскую армию.

Мемуарный нарратив **«1985–1999. Заметки москвича»** является ярким примером компиляции личного и коллективного опыта. Автор пишет о восприятии перестройки представителями своей социальной группы – интеллигенции.

> Перестройка, объявленная… в 1986 году, вызвала в интеллигентской среде большие надежды. По крайней мере, в моем окружении немало людей сочли ее началом далеко идущих перемен.

Но вместе с тем автор мемуаров отделяет свои личные ожидания и ощущения от настроений, преобладавших в интеллигентской среде:

> Я был, особенно первое время, настроен куда более скептически. Я ведь помнил не только хрущевскую "оттепель", но и "пражскую весну", за которой, как надеялись многие, у нас наступит московское лето, а наступила зима, хотя и без магаданских морозов.

Возвращаясь к схеме изложения событий, представленной в анализе свободных интервью, мы находим в рассматриваемом мемуарном нарративе очевидные с ней сходства. В частности, это проявляется в отношении к путчу 1991 года:

> Весть о ГКЧП, конечно, вызвала у меня тошноту. Я вовсе не исключал того, что старые порядки будут реставрированы.

Далее в воспоминаниях автора, как и в рассмотренных выше текстах, прослеживается надежда на продолжение позитивных изменений: «*Победу Ельцина я воспринял с огромным облегчением*». На фоне этих ожиданий в негативном ключе фиксируется распад СССР: «*А потом кончился Советский Союз. Для меня это было продолжением начавшегося много раньше хаоса и кавардака*». Постепенно надежды сменяются разочарованием, причем негативное отношение к дальнейшему ходу дел нарастает и закрепляется из-за таких негативных, по мнению автора, событий и обстоятельств, как конфликт двух ветвей власти, завершившийся их силовым столкновением в октябре 1993 года, чеченская война и дальнейшая деятельность Б. Ельцина на посту президента России. Автор пишет: «*1994-й. Ужас Первой*

чеченской». И дальше – о второй половине 90-х годов: «*Второй срок Ельцина я воспринял, коротко говоря, как маразматический*».

Как видим, и участники разведывательных интервью, , и автор дневника, и авторы нарративов схожим образом выделяют и интерпретируют ключевые точки изучаемого исторического периода. Здесь нужно сделать одну оговорку. Бесспорно, есть много людей, критически воспринявших те перемены в стране, которые начались в стране после 1985 года и получили на официальном языке того времени название «переход к политике перестройки и гласности». Но те авторы, чьи суждения приводились нами, были людьми, которые первоначально отнеслись к этим переменам с энтузиазмом. И тем значимее их последующее разочарование в том, как развивались события нашей истории дальше. Путь от надежд к разочарованию – отчетливо просматриваемый тренд их исторической памяти, обращенной к периоду с середины 80-х до конца 90-х годов.

***

Завершая экспозицию результатов исследования, обратим внимание, что распад СССР остался в коллективной памяти как негативное событие. Однако сами формально-политические события, которые сопровождали распад СССР, респондентам не запомнились. Такие события, как чеченская война (и первая, и вторая) и августовский путч 1991 года часть россиян предпочли бы забыть, вытеснить из коллективной памяти. Следует особо отметить разочарованность интеллигенции в результатах той волны модернизации, что пришлась на конец XX века.

Тем не менее, демократизация общества и становление рыночной экономики чаще оцениваются респондентами все же как положительные тенденции. Свидетельство тому – рейтинг сохранившихся в актуальной памяти россиян политиков, которые принесли пользу России. Среди событий, которые оказали существенное влияние на жизнь страны, респонденты, прежде всего, выделяют «вывод войск из Афганистана», а среди отрицательно воспринимаемых событий первое место занимает «начало второй чеченской кампании». Это может говорить о том, что так или иначе, события, связанные с безопасностью жизни населения выделяются как значимые в большей степени, нежели события экономические или общеполитические.

Список источников

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. №2-3 (40-41). 2005 г. // http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html.

Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. №4. 2000. С. 3-14 // http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM.

Травмированная память как ресурс формирования коллективной идентичности: случай бывших афганцев

Виктория Семенова

«Работа памяти» включает в себя различные культурные и политические практики, которые делают возможным осмысление значения прошлого в свете настоящего. О месте и роли памяти в воспроизводстве прошлого для нужд настоящего написано уже немало, но сложным и недостаточно осмысленным остается вопрос о социальных практиках, «технологиях работы памяти»: как эти практики обретают социальную жизнь в объективированных образах, представлениях, устных и письменных повествованиях, коллективных ритуалах.

Приступая к рассмотрению проблематики памяти, необходимо первоначально уточнить, о каком уровне функционирования памяти здесь идет речь. Исследователи различают три уровня памяти, предлагаемые методологии и ракурсы изучения памяти непосредственно связаны с тем или иным уровнем рассмотрения: социальная (или память на уровне нации), коллективная и индивидуальная память (П. Нора, М. Хальбвакс, З. Фрейд, Дж. Ассман). История, как правило, ассоциируется с государством и официальными хрониками, но существует и понятие об общественной или коллективной истории, «народной памяти», прежде всего, о «живой» памяти участников